

«Девушки за...»

Книга 1

# ЧУЖИЕ ДЕТИ

*Психологический детектив*

Георгий Рассветов

18+

"Девушки за..."

Георгий Рассветов

**Чужие дети**

«Автор»

2026

## **Рассветов Г.**

Чужие дети / Г. Рассветов — «Автор», 2026 — ("Девушки за...")

У каждой своя боль, свои шрамы, своя правда, которую каждая прячет даже от себя Бывший следователь, потерявшая всё. Актриса, которая боится, что её перестали замечать. IT-гений, прячущаяся от мира за экраном. Психолог, спасающая других, но не умеющая помочь себе. И библиотекарь, хранящая память о прошлом, которое не отпускает. Они встретились в старой московской квартире, чтобы найти правду для тех, кто отчаялся. Но первый же заказ оборачивается тем, к чему они не были готовы. Вместо ответов они находят вопросы, за которые лучше бы не браться. Вместо одного преступления — цепь, ведущая в самое сердце тьмы. Теперь им предстоит не просто расследовать. Им предстоит выжить. И спасти того, кого уже почти списали со счетов. «Чужие дети» — первая книга серии о женщинах, которые идут туда, куда мужчины боятся даже смотреть. О силе, которой не учат в университетах. О правде, за которую стоит бороться.

© Рассветов Г., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                    |   |
|------------------------------------|---|
| Пролог. Та, кто не успела крикнуть | 5 |
| Конец ознакомительного фрагмента.  | 8 |

# Чужие дети

## Пролог. Та, кто не успела крикнуть

Она никогда не думала, что её последним словом станет имя, которого нет в календаре. Она хотела закричать «Мама!», но язык стал ватным, а горло — чужим, будто кто-то выключил внутри неё звук.

Комната пахла хлоркой и чужим счастьем. Этот запах преследовал Алину все девяносто три дня, что она жила здесь. Хлоркой пахла стерилизованная пелёнка, которой она протирала соску. Чужим счастьем пахло всё остальное: кровать с накрахмаленным бельём, которое привозили из клиники, пластиковый стаканчик на тумбочке с остывшим чаем, даже плюшевый мишка, подаренный «добрыми людьми» — теми, кто платил за неё и за ребёнка, но кого она никогда не видела. Мишка был рыжим и криво улыбался, и Алина ненавидела его с первого взгляда. Она держала его на шкафу, лицом к стене.

На тумбочке рядом с чаем стояла детская бутылочка с оранжевой соской. Бутылочка была ещё тёплой — она кормила ребёнка полчаса назад. Смесь снова была та же, дорогая, голландская, пахнущая ванилью, но Алине казалось, что эта ваниль — ложь, как и всё вокруг. Младенец спал в люльке у стены, завернутый в белый конверт с голубыми зайчиками. Зайчики прыгали по ткани, держась за лапки, и этот рисунок казался ей насмешкой: *«Смотри, они вместе, а ты — одна»*.

Она сидела на кровати, поджав ноги, и смотрела на него уже больше часа. Ей было двадцать три года, но в глазах плескалась такая усталость, какую не увидишь и у сорокалетней матери-одиночки. Родители развелись, когда ей было двенадцать; отец запил и влез в долги, мама работала уборщицей в двух местах и болела астмой. Алина с шестнадцати лет крутилась — то продавщицей в ларьке, то официанткой, то курьером. А потом знакомый предложил «лёгкие деньги»: «Есть одна контора, им нужны здоровые девочки для суррогатного материнства. Очень много платят, почти полтора миллиона. Ты сможешь закрыть долги отца и поднять маму на ноги». Она согласилась, не думая. Она подписала договор в красивом офисе на Тверской, где пахло кофе и дорогим парфюмом. Юрист, молодой и улыбчивый, сказал: *«Алиночка, ты просто инкубатор. Не переживай, тебе это ни к чему не обязывает. После родов — деньги, и ты свободна»*. Свободна. Какое красивое слово.

Теперь она держала на руках ребёнка, который не был ей родным по крови — её яйцеклетку не использовали, у неё взяли только матку. Он был генетически чужим, выношенным ею, но не её. И вот парадокс: за девять месяцев он стал её. Она чувствовала его толчки, разговаривала с ним, плакала и смеялась, когда он икал. Она научилась спать на боку, чтобы ему было удобно. Она читала ему вслух стихи, которые учила в школе. А теперь должна была отдать, как куртку из секонд-хенда.

Телефон на тумбочке завибрировал. Она взяла его, глянула на экран: «Виктор Сергеевич». Тот самый директор «Новой жизни», мужчина с ласковым, масляным голосом, который называл её «дорогой Алиночкой» и обещал «эксклюзивные условия». Она ответила, чувствуя, как холод пробегает по позвоночнику.

— Алиночка, привет, — голос был как тёплое какао. — Я знаю, ты волнуешься, но всё уже решено. Завтра в 8 утра приедет курьер. Ты подписываешь последний документ, передаёшь малыша, и получаешь остаток — двести пятьдесят тысяч на карту. Договор закрыт. Ты свободна.

Алина сглотнула. Горло пересохло.

— Я... я передумала, — сказала она. Голос дрожал, но она заставила себя говорить. — Я хочу оставить ребёнка. Я не подписывала окончательного согласия. Закон позволяет мне передумать до передачи.

Тишина в трубке длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы сердце сделало три удара. Потом голос изменился. Масло исчезло, остался холодный металл.

— Ты что, дура? Ты подписала контракт, ты получила деньги. Ребёнок не твой. Ты — биологический контейнер, и точка. Если ты не отдашь, мы подадим в суд, и ты будешь должна неустойку — четыре миллиона. У тебя таких денег нет. И вообще, Алина, ты видела наши лица. Ты знаешь адрес. Ты думаешь, мы позволим тебе просто так уйти?

Она сжала телефон так, что побелели костяшки.

— Я не боюсь. Я хочу его, слышите? Он мой!

— Ты устала, — голос снова стал ласковым, но фальшь чувствовалась за версту. — Гормоны, послеродовая депрессия. Я понимаю. Давай так: завтра человек придёт, всё уладит, а мы оплатим тебе путёвку в Сочи. Месяц на море. Ты отдохнёшь, придёшь в себя и скажешь нам спасибо.

— Я не поеду в Сочи. Я останусь с ним.

В трубке пискнуло — разговор оборвали. Алина набрала номер снова — абонент недоступен. Она сбросила, открыла «Мама», но палец застыл над кнопкой. Что она скажет? Что хочет забрать ребёнка, рождённого от чужих генов, и жить с ним в комнате, которую снимает у бабы Зины? Мама скажет: *«Ты что, с ума сошла? Они тебе заплатили, отдай и не позорься»*. Мама всегда так — *«не позорься»*, *«что скажут люди»*, *«ты должна держать марку»*. Какую марку? Она была курьером и официанткой, у неё не было марки.

Алина положила телефон и встала. Подошла к люльке, опустилась на колени. Младенец пошевелил ручкой, сжал пальцы в кулачок — крошечный, с маникюрными ноготочками, которые она сама подстригала, пока он спал. Пахло от него молоком и теплом. Она взяла его на руки, и он приоткрыл глаза — синие, мутные, пока не видящие, но такие доверчивые. Он посмотрел на неё — или сквозь неё, — и улыбнулся беззубым ртом. Просто так. Просто потому что она была рядом.

— Ты мой, — прошептала она, прижимая его к груди. — Никому тебя не отдам.

В коридоре послышались шаги. Твёрдые, быстрые, с металлическим цокотом — каблуки, наверное, или подковки на ботинках. Не соседские. Соседи шаркали и кряхтели, а этот шаг был уверенным, как у человека, которому всё равно, кто спит за стенкой. Алина замерла. Сердце гулко ударило в рёбра. Она хотела спрятаться под одеяло, но ноги не слушались. Ребёнок почувствовал её страх и заплакал — тонко, надрывно, как котёнок.

Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял мужчина. Высокий, почти под потолок, в чёрном плаще, который лоснился от дождя. Капюшон был низко натянут, и лица не разглядеть — только блеск стёкол очков или какого-то щитка. Он стоял, скрестив руки, и его дыхание было ровным, как у робота.

— Ты звонила в офис, — сказал он. Голос — низкий, с хрипотцой, словно он курил по три пачки в день. — Ты передумала.

Алина попятилась к стене, прижимая ребёнка к себе.

— Я хочу поговорить с заказчиком. С теми, кто заплатил. Это моё право.

Он сделал шаг вперёд, и дверь за ним закрылась с мягким щелчком — ветер или пружина? Он покачал головой, медленно, как учитель, который разочарован ученицей.

— Нет у тебя права, Алина. Ты подписала договор. Ты продала себя, а с собой — плод. Заказчик не хочет с тобой разговаривать. Он не хочет шума. Он хочет, чтобы всё прошло гладко. И если ты не согласна... — он наклонил голову, — то мы вынуждены принять крайние меры.

— Что за крайние меры? — голос сел, превратился в шёпот.

— Ты слишком много знаешь. Ты видела наш офис, ты знаешь наши имена, ты видела, как я клал папку в сейф. Ты можешь рассказать полиции, а мы не можем этого допустить. Не плачь, — добавил он, когда она всхлипнула. — Всё будет хорошо. Ты просто уснёшь.

Он шагнул к ней, вытащил из кармана маленький пузырёк с тёмной жидкостью. Алина рванула к двери, но он перехватил её за запястье — пальцы были стальными, как наручники. Она закричала, но крик утонул в плаче ребёнка. Он накрыл её рот ладонью — кожаной, пахнувшей табаком и мокрой шерстью. Другой рукой он открыл пузырёк, намочил платок, прижал к её носу. Запах — сладкий, химический, похожий на уксус и мёд. Алина рванулась, ударила его ногой, но он лишь усмехнулся. Она задержала дыхание, но через секунду лёгкие взбунтовались — она вдохнула. Туман разлился по горлу, глаза закрылись сами собой, ноги подкосились. Последнее, что она увидела, — ребёнок, который тянул к ней ручку, и она не могла дотянуться.

Мужчина убрал платок, аккуратно переложил её на кровать, накрыл одеялом. Затем взял люльку, проверил, не проснулся ли младенец. Он закутал его в дополнительный конверт, который лежал на стуле, и тихо, беззвучно вышел в коридор. Дверь осталась открытой — настужь, и в комнату ворвался ночной ветер с дождём. Он задул свечу (Алина зажигала её для уюта), опрокинул бутылочку, заколыхал занавески. Только тогда настенные часы пробили полночь — ровно, как приговор.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.